

следует считать присущее сирийским авторам экологическое осмысление космоса, чувство, что земля – это не менее важно, чем небо; острое

ощущение осмысленности нашего пребывания между небом и землей.

Шевчук П.В.

*аспирант кафедры богословия и религиоведения
Национального педагогического
университета имени М. П. Драгоманова,
01030, г. Киев, ул. Пирогова, 9*

КРАТКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В ТЕОЛОГИЮ РАДИКАЛЬНОЙ ОРТОДОКСИИ

Shevchuk Pavlo

*PhD student of the department
of theology and religious studies of
National Pedagogical Dragomanov University,
01030, Kyiv, st. Pirogova, 9*

A BRIEF INTRODUCTION TO THE THEOLOGY OF RADICAL ORTHODOXY

Аннотация. Статья освещает основные богословские положения нового постсекулярного течения, получившего название Радикальной ортодоксии. Исследована внутренняя природа течения, сохранившая свою открытость и недогматичность. В статье также раскрывается сущность центральных богословских тезисов, которые объединяют различных представителей течения. Во-первых, это поддержка концепта «онтология участия», переосмысленного Джоном Милбанком, подчеркнувшим гармоничное соучастие всего творения с Богом, ибо ничто не может существовать вне Его. Во-вторых, представители Радикальной ортодоксии акцентируют свое внимание на сакраментальности, литургии и эстетике. В-третьих, это критика модернизма, который породил дуализм между верой и разумом, а также критика богословского либерализма, рассматриваемая радикальными ортодоксами как приспособление теологии к модерну, а не обоснование Откровения. В то же время за пессимистическую антропологию резко критикуется классический политический либерализм.

Abstract. The article reveals the main theological thesis of the newest post-secular movement, named Radical Orthodoxy. Author explored openness and non-dogmatic nature of the movement. The article is explaining central theses that unite the various members of the . First, it is a concur with concept of "ontology participation", rethought by John Milbank, which emphasizes the harmonious complicity of all creation with God and nothing can not exist outside of Him. Second direction of thought of the participants of the Radical Orthodoxy is the question of sacramentality, liturgy and aesthetics. Third, it is the critique of modernism that gave rise to the dualism between faith and reason, and the critique of theological liberalism, which is considered by radical orthodoxy as an adaptation of theology to modernity rather than a justification for revelation. At the same time, classical political liberalism is sharply criticized for its pessimistic anthropology.

Ключевые слова: Радикальная ортодоксия, модернизм, сакраментальность, Джон Милбанк, Кэтрин Пиксток, Грэм Ворд.

Keywords: Radical orthodoxy, modernism, sacramentalism, John Milbank, Catherine, Pickstock, Graham Ward.

Радикальная ортодоксия как богословское течение сегодня является одним из наиболее заметных течений в современном богословском дискурсе, что обуславливает актуальность изучения ее новых подходов к осмыслению божественного. Изучение теологии этого течения может служить интенсификации постсекулярного дискурса в отечественном контексте. Интеллектуальными вдохновителями Радикальной ортодоксии являются Джон Милбанк (John Milbank) и его ближайшие единомышленники Кэтрин Пиксток (Catherine Pickstock) и Грэм Ворд (Graham Ward), которые сформулировали магистральную линию развития этого нового богословского направления. Вышеупомянутые богословы не называют Радикальную ортодоксию школой или движением в институциональном

смысле. Кэтрин Пиксток подчеркивает, что «Радикальная ортодоксия никогда не воспринимала себя как эксклюзивное движение, а скорее как свободную тенденцию» [13, с. 66]. Г. Ворд, повторяя эту мысль, отмечает, что «Радикальная ортодоксия не имеет ни собственного штаба, ни определенной программы, скажем, как в Йельской школе». Ворд характеризует Радикальную ортодоксию как «теологическую чувствительность, которую участники движения разделяют в большей или меньшей степени» [14, с.117]. Кэтрин Пиксток в свою очередь говорит о течении как о «духе» Радикальной ортодоксии. Таким образом, Радикальная ортодоксия не имеет четкой и доктринальной системы, под которой стоит подписаться, и не является движением или школой, к которой кто-то принадлежит либо не

принадлежит. Как теологическая чувствительность и дух, Радикальная ортодоксия представляет собой набор более глубоких тезисов и постулатов, с которыми многие могут согласиться. Как отмечает К. Пиксток, «Радикальная ортодоксия охватывает всех тех, кто поддерживает в основном ортодоксальную теологию, но не считает себя просто церковным и политическим консерватором» [11, с.147].

Известный современный богослов Джеймс К. А. Смит в своей книге «Введение в Радикальную ортодоксию: картографирование постсекулярной теологии» (2004) характеризует Радикальную ортодоксию, используя метафору симфонии, объединяющей в себе различные движения (течения), которые не всегда звучат в унисон, но одновременно это многообразие создает новую гармоничную мелодию. Хотя подобную композицию исполняют много голосов, они все же характеризуются достаточным сходством и консенсусом, что в результате составляет широкую программу Радикальной ортодоксии [13, с. 70]. Сейчас мы выделим шесть основных направлений мысли Радикальной ортодоксии, которые являются критически важными для понимания характера теологии этого движения.

Онтология «участия». Представители Радикальной ортодоксии утверждают, что мир стал слишком упрощенно-материалистическим, потеряв определенный сущностный смысл своего существования, что сформировало нигилистический климат современной эпохи. Именно поэтому Джон Милбанк выдвигает тезис о трансцендентности как единственно возможной основе внутренней сущности вещей, которая была поддержана и расширена в трудах радикальных ортодоксов. Фундаментальным понятием для них становится онтология «участия» (participation) в том виде, в котором ее «развил Платон и переосмыслили впоследствии отцы Церкви и схоластики» [5, с.50].

В западной христианской традиции «участие» выражает характер взаимоотношений Бога и человека, оспаривает идею автономности каждого отдельного индивида, но является выражением Божьей сущности. В религиозной антропологии это понятие следует трактовать как глубокий, личный, интимный характер взаимоотношений человека и Бога. Рассматривая понятие «участие», как его понимали Августин, И. С. Эриугена и Г. Марсель, радикальные ортодоксы доказывают, что все вещи существуют в гармоничном соучастии с Богом и ничто не может существовать «вне Его» [2, с. 53]. Этот тезис опровергает секулярное разделение священного и светского, подчеркивая невозможность существования автономного секулярного пространства. Таким образом, мир, который охватывает все сферы жизни человечества, представляется единственной реальностью Бога. Исходя из этой точки зрения на мир, объединенный Божьей сущностью, Радикальная ортодоксия отказывается признавать

возможность противостояния внутри целого, являясь альтернативой постмодернистскому концепту тройного противостояния различий. Любое благо следует понимать как участие в вечном благе, любое знание – как участие в Божьем знании. Бог – это единственный источник всякого блага, истины и бытия. Однако мы не можем полностью охватить этот источник, но способны только частично увидеть его и ожидать его будущее появление [1, с. 487]. Ссылаясь на Иоганна Аммана, Милбанк отмечает: «Только Бог есть благо, только Он является истиной и бытием» [9, с. 28], а наша идентичность «сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3:3).

Представители Радикальной ортодоксии хотя и отвергают представление о Боге как трансцендентное, по мнению Карла Барта, «тотально другое», однако не согласны с тезисом о существовании чего-то между Богом и человеком, ибо, по их убеждению, Бога и творение невозможно считать равноценными. Творение не является частью Бога или не может быть смешанным с Богом, пусть творение участвует в божественном, но это участие не делает само творение Богом. Исследователь Д. Бинцаровский обращается к античной аналогии, согласно которой мы живем в лучах солнца, но не в самом солнце, и тем более не можем быть частью самого солнца [1, с.489].

Радикальная ортодоксия обращается к природе Христа как примеру сочетания божественного и человеческого. Милбанк говорит о христианстве как о «религии стирания границ» [4, с.196]. Однако стоит заметить, что представители Радикальной ортодоксии считают полное смешение невозможным, ибо бытие Бога уже является полноценным, а также смешение следует понимать как добавление чего-то, что было «вне Его», что также противоречит центральному тезису Радикальной ортодоксии о несуществовании ничего автономного относительно Бога.

Участие в Боге включает также и творческую деятельность, таким образом, наши действия радикальные ортодоксы понимают как участие в Божьем действии и созидании. Современные изобретения являются не сугубо человеческими достижениями, но теми, которые имеют связь с бесконечностью. Это делает наше творение связанным с трансцендентностью, что одновременно указывает на определенную незавершенность и несовершенство наших творений и знаний, мотивирует человека к постоянным поискам.

Опираясь на «участие» как онтологическую основу, Милбанк считает, что любая научная дисциплина должна быть вписана в общую теологическую перспективу. Таким образом, любые философские размышления могут быть релевантными только в рамках теологического дискурса. Однако Радикальная ортодоксия не стремится к теологизации философии, истории, социологии и других наук. Напротив, сущность таких понятий, как «язык», «знания», «тело»,

«эстетический опыт», «политическое сообщество», «дружба», становится понятной лишь тогда, когда их обоснование происходит извне, от трансцендентного источника, то есть от Бога, а для понимания этого нам необходимо теологическое обоснование тех наук, которые занимаются изучением всех этих вещей [4, с.196].

Дж. Милбанк пытается переосмыслить понимание бытия как дара от Бога, являющегося неотъемлемой частью концепции онтологии «участия». Он утверждает: «Ни в каком смысле творение не имеет самостоятельного права на существование; творение “существует” только по причине Божьего дара» [12, с.17]. Наше бытие невозможно рассматривать как отдельное от Бога, а также не может быть доказанным без Него, так же как и любое творение мы не можем до конца понять, кроме как в его соотношении с Богом. Исходя из этой позиции, сущности (beings) сами по себе являются бессодержательными. Поэтому, по мнению Дж. Милбанка, кантианский и постмодернистский взгляды на бытие опустошают смыслы мира, поскольку полностью лишают его трансцендентного значения [12, с.17].

Милбанк считает, что любой дар должен быть как активно принятым, так и переданным другому. Он предлагает собственное понимание «очищения обмена дарами», что следует понимать как взаимный и равноценный. Милбанк утверждает: «Божественный дар становится даром только после того, как мы его принимаем, и есть то, что возвращается к нам в процессе дачи-возврата» [2, с.68-69]. Дар постоянно повторяется, но никогда не повторяет предыдущий дар, чтобы сохранить уникальную ценность каждого дара, а также для того, чтобы избежать рутинизации обмена, когда он осуществляется ради самого себя, а не ради того, кто принимает дар. Милбанк отмечает, что конечной целью дара являются отношения.

Радикальные ортодоксы пытаются преодолеть разделение между Природой и благодатью, утверждая, что благодать не дается человеку как нечто чужеродное, однако она пронизывает природу самого начала. Это объясняется заранее заложенным сверхъестественным влечением человека к трансцендентному, что доказывает: природа также является даром [1, с.489]. Также Милбанк осмысливает целый ряд богословских понятий через призму понятия дара, в частности он отмечает: «Творения и благодать – являются дарами; воплощение Христа – высший дар; грехопадение, зло и насилие – отказ от даров; искупление и прощение (forgiveness) – безусловные дары; дар Святого Духа – donum (по Августину) Церковь – это сообщество, составляющее гармоничное сочетание различных даров (согласно с апостолом Павлом)» [4, с. 196]. Подытоживая, мы находим, что радикальные ортодоксы воспринимают дар как первичный принцип бытия, а также то, что бытие существует только через соотнесенность с Богом и актуализируется в теле Христа во время евхаристии.

Сакраментология, эстетика и литургичность. Радикальная ортодоксия пытается вернуться к предмодерному пониманию искусства и эстетики как носителю откровения. По мнению радикальных ортодоксов, танец, изобразительное искусство, жесты, аромат являются «знаковыми и символическими», или, как их назвал Роб Стейплз, «сакраментальными». Радикальная ортодоксия переходит к новой оценке роли литургии, что приводит нас к божественному, отмечая искусство как способ поклонения отражению божественного. Для Радикальной ортодоксии литургия и теология являются более фундаментальными, чем любой язык или опыт, которые одновременно являются как языковыми, так и опытными. Обращаясь к Дионисию Ареопагиту, а также к Вильгельму Эймсу, Радикальная ортодоксия отмечает, что теология это сотрудничество между человеческим и божественным. Литургия же является высшей попыткой человека подумать о Боге.

В теологии Радикальной ортодоксии значительное внимание уделяется литургии, которая служит инструментом переноса человека в сферу божественного. Она подчеркивает важность познания Бога всеми органами чувств, а также возможность поклонения Ему самыми разнообразными способами, такими как танец, изобразительное искусство, жесты, аромат, важные знаковые символы. Такие проявления поклонения оцениваются как важное средство для высвобождения божественного. Этот акцент на эстетике и искусстве как средствах откровения и поклонения, как отмечает Г. Ворд, является новой моделью личности в постмодернистской перспективе, что формирует «обновленное достоинство человеческой природы» [15, с. 121]. Поскольку для постмодерного мышления центральную роль играет опыт, который коррелируется с христианской практикой и несет в себе обязательный опыт покаяния и обращения, по мнению Ворда, такие знания являются «более глубокими, чем приобретенные рациональными методами» [15, с. 123]. Таким образом, Г. Ворд, опираясь на взгляды Жана-Франсуа Лиотара, исследует параллели и взаимосвязи эстетического и религиозного опыта, которые глубоко эмоциональны. Уделяет внимание литургии и эстетике Радикальной ортодоксии и известный феноменолог современности Жан-Люк Марион, который отмечает: «В богослужении литургия переносит нас в Божественное пространство, где мы можем почувствовать его всеми органами чувств, такими как зрение, обоняние, осязание и даже вкус. Это создает чрезвычайную драматичность, которая превосходит даже оперу... объединяя видимое и невидимое» [3, с.64-65].

Критика модерна. Известные представители Радикальной ортодоксии видят ключевым следствием модерна разделение между сакральным и мирским, что привело к так называемому «концу метафизики». Одним из главных тезисов теологии Радикальной ортодоксии является возвращение

мира в сферу сакрального, противостоя сексуально-нигилистическому мировоззрению современности. Джон Милбанк отмечает: «Конец модерна еще не достигнут, но он приближается, что означает крах единой системы истины, основанной на универсальном уме, который создал современный дуализм – противопоставление между верой и разумом. Сейчас они являются фиксированными “правилами игры”, в которой современная теология начала себя позиционировать. Между тем Радикальная ортодоксия вместо того, чтобы действовать в рамках этих правил, ставит их под сомнение, подрывая основы современности. Таким образом, этим окончанием модерна заканчивается и угроза теологии» [3, с.64-65].

Кэтрин Пиксток, как одна из центральных фигур Радикальной ортодоксии, также отмечает ряд тенденций, характеризующих кризис модерна: человечество разочаровано в способности ума к познанию объективной картины мира; ученые ставят под сомнение возможность существования полного рационального постижения природы и ее законов; философы признают, что любая мысль попадает в плоскость субъективности; перед этикой возникла проблема невозможности сформировать единую нравственную норму, которая могла бы быть оторванной от определенной традиции и мировоззренческой системы. Эти тенденции порождают в людях чувство страха, отсутствие целеустремленности и склонность к манипуляции. Эмансипация породила поколение людей, не понимающих, кто они есть, не имеющих ни памяти о прошлом, ни способности к глубокой рефлексии ради будущего. В таких условиях рождается постмодерная философия, противостоящая любой универсальной истине, которая, по мнению ее представителей, подвержена тоталитарности [3, с.64-65].

Хотя Радикальная ортодоксия сосредоточивается на критике модерна, однако она не является антимодернистским движением. Согласно Радикальной ортодоксии, антимодерность, в смысле протестантского фундаментализма, – это просто отрицание модерна, а значит, это мышление внутри современной парадигмы. Таким образом, Радикальная ортодоксия хотя и критически относится к модерну, стремясь избежать его предположений и дуализма, однако было бы некорректно назвать Радикальную ортодоксию постмодерным движением. Милбанк заявляет: «Хотя Радикальная ортодоксия и выступает против модерна, одновременно мы стремимся спасти его. Мы не выступаем за возвращение к предмодерну, но отстаиваем необходимость в утверждении альтернативной версии модерна» [8, с.37].

Находясь под влиянием постмодерной мысли, Радикальная ортодоксия пытается исправить ее ошибки. В понимании Милбанка, постмодернизм приходит к выводу: поскольку мы не можем обосновать истину абсолютно, это означает, что

истины не существует вообще. Таким образом, в контексте постмодернизма отсутствие истины рассматривается как единственная истина. Радикальная ортодоксия признает, что мы не можем претендовать на знание абсолютной истины, но пришла к выводу, что истину нужно рассматривать через призму времени и вечности. Милбанк пишет: «Мы признаем возможность достижения истины через участие в акции веры в эту бесконечную истину. Грехопадение произошло потому, что люди пытались познать истину ради себя самих, поэтому в этом контексте рационализм – это зло. Но Бог Сам сошел на землю и Сам стал истиной для нас, эхо которой звучит до сих пор, сосредоточиваясь в Церкви» [8, с.38].

Стоит также отметить, что Радикальная ортодоксия не разделяет постмодернистского представления мира, в котором люди постоянно конфликтуют, как постоянную борьбу между различиями, в результате порождающими и обеспечивающими работу рынка. Постмодерные богословы одновременно только добавляют, что Бог охватывает эти различия или что Бог – это и есть разнообразие. Радикальная ортодоксия в свою очередь соглашается, что Бог этим многообразием утверждает добро, поскольку Он создал этот мир, а, следовательно, различия могут существовать в гармонии друг с другом. Несмотря на то что земля повреждена грехопадением, эта гармония остается загадочной и никогда не может быть понятной, ибо происходит от трансцендентного Бога. Таким образом, Радикальная ортодоксия настаивает на понимании локальных различий в их целостности «как частных стремлений к чему-то большему» [10, с.70]. Следовательно, она выступает против постмодерна, настаивая на необходимости гармоничного сосуществования различий, но в то же время Радикальная ортодоксия стремится говорить на языке понятном в контексте постмодерна, вступая в полемику с его представителями.

Итак, подытоживая вступление в теологию Радикальной ортодоксии, следует отметить, что степень интенсивной работы ее представителей и уровень интереса мирового богословского сообщества к их творчеству определяется очевидной новизной некоторых подходов к проблемам современного общества и широтой поставленных вопросов, что позволяет говорить о Радикальной ортодоксии как о новой и хорошо обоснованной теологической системе, приобретающей еще большее влияние в современном богословском дискурсе.

Список литературы:

1. Бинчеровский Д., История современного богословия. Минск: Полиграфкоминат им. Я.Коласа, 2016. – 487 с.
2. Щипков, Д. А. Радикальная ортодоксия»: Критический анализ: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург. 2004. 221 с.

3. Marion J. L. *The Crossing of the Vissible*. Stanford: Stanford university Press. 2004. — 120 c.
4. Milbank J. *Being Reconciled: Ontology and Pardon*. New York: Routledge. 2003. — 242 c.
5. Milbank J., Pickstock C., Ward G. Introduction. *Suspending the material: the turn of radical orthodoxy* / Milbank J., Pickstock C., Ward G // *Radical orthodoxy. A new theology* / ed. by Milbank J., Pickstock C., Ward G. Routledge. 1999. C. 1-20.
6. Milbank J. *Postmodern Critical Augustinianism: A Short Summa in Forty-two Responses to Unasked Questions*, / Milbank J // *The Postmodern God: A Theological Reader* / ed. by Graham Ward. Oxford. 1997. C. 420.
7. Milbank, J., *Theology and social theory. Beyond secular reason*. Oxford: Blackwell. 1993. — 448 c.
8. Milbank J. *The programme of Radical Orthodoxy*. / Milbank J. // *Radical orthodoxy? A Catholic enquiry* / ed. by Hemming, L. P. Aldershot. 2000. C. 33-46.
9. Milbank J. *The theological critique of philosophy in Human and Jacobi*”, in *Radical orthodoxy: A New Theology*, ed. by Milbank J., Pickstock C., Ward G. Routledge. 1999), C. 21-38.
10. Pickstock C. *Is Orthodoxy Radical?* / Pickstock C. // *The Future of Political Theology Religious and Theological Perspectives* / ed. by P. Losonczy, M. Luoma-aho and A. Singh. Burlington. 2011. C. 210.
11. Pickstock C, Reply to David Ford and Guy Collins // *Scottish Journal of theology*. 2001. — № 54. — 147 c.
12. Simon O. Introduction *Radical orthodoxy: From Participation to Late Modernity*. / Pickstock C. // *The Radical Orthodoxy Reader* / ed. by S. Oliver and J. Milbank. Routledge. 2009. C. 3-27.
13. Smith, James K.A. *Introducing Radical Orthodoxy. Mapping a Post-secular Theology*. Grand Rapids, Michigan: Baker Academic. 2004. — 291c.
14. Ward G. In *Economy of Divine: Response to James K. A. Smith* // *Journal of the Society for Pentecostal Studies*. 2003. — № 25 — 117.
15. Ward G. *Radical orthodoxy and/as Cultural politics*. in *Radical orthodoxy: A New Theology* / ed. by Milbank J., Pickstock C., Ward G. Routledge. 1999. C. 97-111.

Dyatlik Taras

*graduate student of the department
of theology and religious studies of
National Pedagogical Dragomanov University,
01030, Kyiv, st. Pirogova, 9*

THE NATIONS IN THE BOOK OF PSALMS

Дятлик Тарас

*аспирант кафедры богословия и религиоведения
Национального педагогического
университета имени М. П. Драгоманова,
01030, г. Киев, ул. Пирогова, 9*

Annotation. The article analyzes the use of the concept of "peoples" in the book of Psalms on the basis of the achievements of modern biblical studies regarding the features of the narrative nature of the books of the Old Testament.

Анотация. В статье анализируется использование концепта «народы» в книге Псалмов на основании достижений современной библеистики относительно особенностей нарративного характера книг Ветхого Завета.

Key words: theology, biblical studies, theology of the nation, theology of salvation.

Ключевые слова: теология, библеистика, теологии нации, теология спасения.

Introduction: recent Psalms studies and ‘Psalms matrix’

Since the book of Psalms consists of five smaller books (Book One: 1-41; Book Two: 42-72; Book Three: 73-89; Book Four: 90-106; Book Five: 107-150), traditionally in Jewish as well as in Christian theology this five-fold division was associated with the five books of the Pentateuch:

As Moses gave five books of laws to Israel, so David gave five Books of Psalms to Israel, the Book of Psalms entitled *Blessed is the man* (Ps 1:1), the Book entitled *For the Leader: Maschil* (Ps 42:1), the Book, *A Psalm of Asaph* (Ps 73:1), the Book, *A Prayer of Moses* (Ps 90:1), and the Book, *Let the redeemed of the Lord say* (Ps 107:2).⁴¹

The hypothesis of **David Mitchell** (that the Psalter can be read as containing an eschatological programme

⁴¹ William G. Braude, *The Midrash on Psalms* (New Haven: Yale University Press, 1954), 1.5; cited in Wilson, 200.